

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Хасиева М.А., Цховребова Б.Ф. Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век») // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.71498 EDN: MEESRV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71498

Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век»)

Хасиева Мария Апановна

ORCID: 0000-0002-0179-1874

кандидат философских наук

доцент, кафедра Социально-гуманитарных наук и технологий; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет"

129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26

✉ m9288@inbox.ru

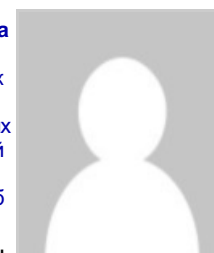
Цховребова Белла Филушовна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра гуманитарных и естественно-научных дисциплин; Институт международных экономических связей

119330, Россия, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 35, каб. 503-6

✉ tshovrebova@imes.su

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.11.71498

EDN:

MEESRV

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2024

Аннотация: Предметом исследования является определение основных особенностей и векторов развития викторианской утопии на основе анализа романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век». На протяжении длительного времени в эпоху античности и Ренессанса одним из основных аспектов развития утопии являлось соотнесение идеального общества с социально-политическими, экономическими преобразованиями и

технологическими открытиями. Новоевропейская утопия во многом являлась продолжением данной тенденции, все в большей степени сближая социальный и технологический векторы утопизма, когда общественное благополучие напрямую соотносилось мыслителями с научно-техническим прогрессом, урбанизацией и механизацией труда. Роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век» является сочетанием различных жанров утопической литературы (пасторальная утопия, апокалиптическая утопия, эскапическая утопия), а потому представляет особый интерес для анализа. В статье использован комплексный методологический подход, сочетающий описательный метод с семиотическим анализом текста романа, произведен анализ исследовательской литературы, посвященной викторианской утопической литературе. Научная новизна исследования определяется малоизученностью романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век» в современном культурфилософском дискурсе, при том, что роман содержит определенные уникальные для той эпохи идеи, например, идеи осознанного потребления, исключающего пресыщение и расточение ресурсов. Этот тезис в полной мере соответствует эконофилософской стратегии постиндустриальной эпохи, но совершенно не характерен для индустриализма 19 в. При этом в романе отсутствует техноутопическое представление о научных открытиях и технических изобретениях как залого социального благополучия. В «Хрустальном веке» вообще не изображаются технологии, опережающие время написания произведения. Основа утопии «Хрустального века» – антропосоциальная трансформация общества, изменение природы человека вместе с социальной структурой. Социально-философское и социокультурное значение романа Хадсона весьма высоко, поскольку в данном произведении отражается трансформация социальных отношений, уклада жизни и системы ценностей викторианской эпохи: изменение роли женщины в обществе и семье, стремление к гармонизации человека с природной средой в условиях стремительной индустриализации.

Ключевые слова:

викторианский роман, Уильям Генри Хадсон, утопия, дистопия, Хрустальный век, пастораль, сентиментализм, социальный утопизм, Льюис Мамфорд, викторианская культура

Предметом исследования является определение основных особенностей и векторов развития викторианской утопии на основе анализа романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век». На протяжении длительного времени в эпоху античности и Ренессанса одним из основных аспектов развития утопии являлось соотнесение идеального общества с социально-политическими, экономическими преобразованиями и технологическими открытиями. ^[15] Новоевропейская утопия во многом являлась продолжением данной тенденции, все в большей степени сближая социальный и технологический векторы утопизма, когда общественное благополучие напрямую соотносилось мыслителями (Кондорсе, А. Тюрго, И.Г. Гердером и др.) с научно-техническим прогрессом, урбанизацией и механизацией труда. ^[5]

Роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век» является сочетанием различных жанров утопической литературы (пасторальная утопия, апокалиптическая утопия, эскапическая утопия), а потому представляет особый интерес для анализа. В статье использован комплексный методологический подход, сочетающий описательный метод с семиотическим анализом текста романа, произведен анализ исследовательской литературы, посвященной викторианской утопической литературе. Научная новизна

исследования определяется малоизученностью романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век» в современном культурфилософском дискурсе, при том, что роман содержит не распространенные в викторианской эпохе идеи, характерные в гораздо большей степени для современного постиндустриального общества (экофские стратегии потребления, исключающие пресыщение и расточение ресурсов). Именно эта особенность романа определяет актуальность его изучения в современном социально-философском и культурном контекстах, объясняет интерес к нему со стороны некоторых исследователей современной культуры. [7, 11] При этом в романе отсутствует техноутопическое представление о научных открытиях и технических изобретениях как залого социального благоденствия.

Викторианская утопия относится к периоду второй половины 19 в. и соединяет в себе черты новоевропейского прогрессизма с культом природы, характерным для сентиментализма и романтизма, а также предвосхищает некоторые утопические идеи грядущей постиндустриальной эпохи. Отдельное место, не включаясь в этот процесс, занимают утопии «пасторального» и «апокалиптического» жанра. Пасторальные утопии в большинстве своем представляли собой переосмысление в духе футурологии традиционного жанра литературной пасторали, особенно популярной в Европе 16 в. Характерными примерами пасторали являлись романы «Аркадия» Я.Саннадзаро, «Астрея» О. д'Юрфе. [8] Общая тенденция пасторали в литературе — поэтизация жизни на лоне природы, распространение рустикальной эстетики и воспевание традиционного уклада жизни, с отрицанием технизации и урбанизации. [14] В 18 в. упадок традиционного жанра пасторали сопровождается формированием сходных тенденций в литературе сентиментализма и развитием рустикального стиля в изобразительном искусстве, дизайне и архитектуре. [17]

Развитие жанра апокалиптической фантастики, в которой условно можно выделить и утопию как определенный подраздел, относится к периоду начала 19 в. и соотносится с процессами урбанизации и технизации жизненного уклада. [9] Отличительной особенностью этого жанра является изображение постапокалиптической реальности, реконструкция сценариев существования мира после какой-либо глобальной катастрофы, неизбежно и бесповоротно приведшей к глобальным изменениям жизненного уклада. [12] В 19 в. утопические произведения различных жанров зачастую смешивались, совмещая в себе элементы разных видов. Викторианская литература в целом отличалась жанровым многообразием. Среди многих других направлений беллетристики в этот период начинает активно развиваться направление «семейного романа», сочетавшего в себе психологизм и бытописание реалистической литературы. В произведениях, являющихся примерами семейного романа, находят отражение элементы литературы сентиментализма. Развитие элементов сентиментализма в викторианской литературе происходило в определенных аспектах: так, в некоторых исследованиях утверждается, что культ домашнего очага, семейных ценностей, материнства и детства в викторианской литературе рассматривались как продолжение культа романтической любви. [20]

Примером описанного жанрового смешения является роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век», который одновременно является отражением сентименталистских интенций в литературе и относится к викторианской литературной традиции. Впервые опубликованный в 1887 г., он занимает в утопической литературе 19 в. отдельное место. Способный одновременно считаться и утопией, и антиутопией, он сочетает в себе черты апокалиптической и пасторальной утопий, по своей содержательной направленности

сильно отличаясь от других произведений сходного жанра и эпохи. Хадсон видит основным фактором изменений общества не технические изобретения или научные открытия, а перестройку самых основ человеческого общежития и естественных установок в человеческой природе. Согласно сюжету романа, главный герой, очнувшись от потери сознания, возможно, произошедшем из-за падения с высоты, обнаруживает себя в странном месте, покрытым слоями грязи, в полуистлевшей одежде. Он понимает, что провел в забытии огромное количество времени. Затем он сталкивается с группой людей, выглядящих и ведущих себя весьма странно, вступает с ними в общение и понимает, что это люди, живущие в новом для него мире по совершенно другим, неизвестным ему правилам. Главным нововведением, отличающим новый мир романа от привычного уклада жизни человека, является изменения социального устройства: люди живут в домах, представляющих собой нечто среднее между общиной и семьей, но при этом производить на свет потомство может лишь одна пара в общине, патриарх и матриарх, или Отец дома и Мать дома. Большинство людей в доме связывают братско-сестринские отношения, они не образуют семьи, что полностью соответствует эусоциальной форме организации колоний общественных насекомых (пчел, муравьев и др.). Во многом эта сюжетная особенность описываемой утопии объясняется тем, что, будучи натуралистом и орнитологом, Хадсон испытывал несомненный интерес к тому, как биологические основы человеческой природы оказывают влияние на социальную структуру и уклад жизни общества. Поэтому в романе он проводит подобный эксперимент, изменяя сами социобиологические основы жизни людей и базовые принципы человеческой природы. Сталкиваясь с этим мироустройством, главный герой ощущает удивление и неприятие: он не понимает, как, эти люди могут согласиться прожить жизнь, не желая испытать романтические чувства и эротические переживания, иметь собственных супругов и детей. В утопии Хадсона достаточно канонично и традиционно изображен конфликт между желанием личного счастья и свободы индивидов и идеей всеобщего благополучия, конфликт, который Платоном решался в пользу идеи блага общественного и государственного. Жители общин в «Хрустальном веке» отличаются абсолютной честностью, спокойствием и мирным дружелюбием в своих отношениях, они не знают ссор и конфликтов, поскольку не знают ревности и зависти, отличаются «кристальной» чистотой помыслов. Возможность такой бесстрастного и мирного сосуществования автор связывает с отсутствием частной собственности и нуклеарной семьи. Данный сюжетный мотив необходимо рассматривать также в контексте концепции утопического социализма, которая активно распространялась в европейской культуре 19 в. и также подразумевала отказ от частной собственности и традиционной модели семьи и воспитания детей. [\[2, 18\]](#)

В романе также представлена идея несовместимости общественного благоденствия и личного счастья людей, ведь по мере своей интеграции в общество герой начинает все больше испытывать муки неразделенной любви и страдания от осознания невозможности исполнения своих желаний. Проблема восприятия женщины в обществе находит отражение в образе Матери дома. В романе эта героиня представлена амбивалентно: с самого начала повествования она изображена тяжело больной и не выходит из своей комнаты, общаясь лишь с несколькими членами общины, но при этом активно влияет на жизнь других персонажей и ход событий в романе. Физическая сокрытость, изолированность от общей «профанной» жизни дополняются в данном образе мотивом духовной избранности: Мать Дома обладает доступом к сакральным знаниям, понимает подлинное значение традиций общины и отвечает не только за продолжение рода, но и за трансляцию культурной памяти, моральных и религиозных основ общества. При том, что в романе главные празднества жителей общины связаны именно с женским

началом как символом плодородия, изобилия, социальную систему, изображаемую в романе, нельзя назвать матриархатом: главой Дома является Отец, который не окружен таким ореолом таинственности и занимается решением большинства хозяйственных и административных вопросов, а также вершит правосудие. Мать Дома — единственная, кто может наложить вето на его решения. Впрочем, это связано не с утверждением ее верховного положения, а, скорее, с привычным для викторианского общества распределением ролей: Отец, воплощающий мужское начало, наделен наказующей силой, Мать же, олицетворяющая женское начало, несет милосердие и смягчение наказаний.

Хадсон также во многом отразил в своем произведении трансформацию культурных и нравственных ценностей британского общества 19 в. Изменения ценностей и принципов существования викторианского общества были тесно связаны с переосмыслением роли женщины в социальном развитии, произошедшим в этот период. С одной стороны, викторианская мораль 19 в. во многом отрицает нравы и социокультурные установки прежних эпох: ценности либертинажа 17 и 18 столетий, распространенные в наибольшей степени в аристократической среде, замещаются викторианскими ценностями, которые в наибольшей степени соотносятся с буржуазной и мещанской прослойками общества. ^[1] С другой стороны, индустриализация, урбанизация и технизация жизни людей 19 столетия неизбежно меняли положение женщины в обществе: появление ряда новых профессий, постепенная замена традиционной, многопоколенной семьи на нуклеарную не могли не отразиться на значении и функциях женщины в семье и обществе в целом. Викторианские представления о семейных ценностях определялись началом правовой защиты детства (первые законы, ограничивающие использование детского труда, а также труда беременных женщин и устанавливающие правила охраны здоровья работников, были приняты в Британии 30-е годы 19 в.) и культом женщины-матери, хранительницы домашнего очага. Фокусировка на репродуктивном значении брака, а также повышение ценности супружеской верности в глазах общества сопровождалась существенной трансформацией отношения к человеческой телесности в викторианскую эпоху, приведя к распространению запрета на обнажение и превознесением духовного над телесным в романтических отношениях. Еще в сентименталистской литературе 18 в. находит новое преломление архетипический образ «девы в беде»: в романе С. Ричардсона «Кларисса» главная героиня, являющая собой образец добродетели, подвергается насилию со стороны Ловеласа, но и после этого отказывается подчиниться ему и действовать вопреки своим нравственным принципам и погибает. Героиня другого романа Ричардсона - «Памела, или вознагражденная добродетель» - обнаруживает ту же нравственную стойкость, но, в отличие от Клариссы, убеждается в целомудрии своего преследователя и вступает с ним в законный брак. Ключевая особенность этих сюжетов — в активной роли самих героинь: если «девы в беде», изображаемые в мифах или рыцарских романах, пассивно ожидали спасения от героев-мужчин и зачастую сами выступали лишь в качестве трофея-награды победителю (Андромеда, спасенная Персеем, Эльза, спасенная Лоэнгрином и пр.), то в романах 18 и 19 в.в. героини активно проявляли свою волю и самостоятельно принимали решения, влияющие на их жизнь. Этот сюжетный элемент воспроизводится затем во многих известных романах викторианской литературы: так, Джен Эйр в одноименном романе Шарлоты Бронте, столкнувшись с обманом со стороны своего жениха, Эдварда Рочестера, сбегает от него, не желая поступиться своими представлениями о нравственном долге. ^[16] Сюжетный мотив активного выбора со стороны женского персонажа в романе Хадсона представлен отнюдь не в привычном виде: значимые решения в романе принимает лишь один женский персонаж — Мать Дома, принимает их она прежде всего за других людей,

изображает совершенными, избавленными от пороков викторианского общества и одинаково красивыми телесно и духовно. В сцене знакомства главного героя с его возлюбленной Йолеттой, присутствует такое рассуждение:

«— Это красивое имя, оно так приятно звучит, что мне хотелось бы повторять его постоянно, — ответил я — и это справедливо, что вы носите такое красивое имя, потому что... если позволите сказать, потому что вы необыкновенно прекрасны. — Да, но разве это странно — разве не все люди прекрасны? Я подумал о некоторых лондонцах из преступного класса, о старых женщинах с иссохшими обезьяньими лицами и в шалях, прокрадывающихся в трактиры на углах улиц или выходящих из них; а также некоторых людей более высокого класса, которых я знал лично, некоторых даже в Палате общин; и я чувствовал, что не могу согласиться с ней, как бы мне этого ни хотелось, не идя при этом против своей совести». [\[10, с. 53\]](#)

В ходе повествования развитие отношений главного героя с Йолеттой становится главным элементом сюжета романа, определяя и его завершение: постепенно чувства героя становятся все более глубокими и серьезными, Йолетта же не готова ответить взаимностью на столь чуждое и непонятное для их мира чувство. Ощущая себя не в силах довольствоваться скромной ролью собрата по отношению к возлюбленной, герой начинает попытки положить своим страданиям конец: найдя в библиотеке таинственный флакон с надписью, обещающей избавление от бремени прожитых лет, болезней и страстей, он решает выпить содержимое, надеясь излечиться от своих чувств. Однако выпитая жидкость оказывается ядом. При этом до того, как испустить дух, герой успевает узнать у пришедшей в библиотеку Йолетты, что Мать дома готовила его и Йолетту на роль будущих преемников и продолжателей рода, что сама Йолетта, не показывая того, начала испытывать к нему чувства, а их взаимная любовь должна была стать основой для продолжения жизни будущих поколений общины.

На семиотическом уровне в фабуле романа заключена антитеза двух видов любви, имманентных человеческой природе: эрос вступает в противоборство с филией, любовь, предполагающая обладание, физическую страсть и рождение новой жизни, противопоставляется любви дружественной, интеллектуальной. В общинах кристаллитов связывают бесстрастные, и потому бесплодные отношения. Повествование героя как будто подталкивает читателя к заключению, что именно редукция, если не полное изгнание страстной и жизнерождающей любви из общества утопии Хадсона и становится причиной замедления темпов его жизни: долгожительство членов общины сочетается с крайне низкой рождаемостью в общине. Так, описывая жизненный уклад общины кристаллитов, герой с удивлением отмечает отсутствие детей: состарившиеся Отец и Мать Дома уже не способны к деторождению, а остальные люди, живущие в общине, лишены права быть супругами и родителями. Изображаемое в романе «Хрустальный век» общество являет собой яркий пример сочетания жанра утопии и дистопии, [\[4\]](#) поскольку эусоциальная структура общества кристаллитов отрицает принцип равенства всех людей в их социобиологической природе, также как и абсолютную ценность свободы человеческой личности. При этом мотивы, стоящие за этим подчинением личности обществу, связаны не с евгеническим проектом, как, например, в государстве Платона, а с противопоставлением двух родов любви в человеческих отношениях, с антитезой, в которой эрос связывается со страстями и порождает раздоры и ревность. Это соотнесение в целом характерно для викторианской литературы, несущей в себе традиционное противопоставление в человеке разума и чувств. [\[11\]](#)

Гармонию общества кристаллитов Л. Мамфорд в своей книг «История утопий» называет

«холодным лунным блаженством», [\[6, с. 385\]](#) указывая на доминирование идеи всеобщего благополучия над желаниями и личными интересами членов общины. Мамфорд рассматривает утопию Хадсона вместе с романом У. Морриса «Вести из ниоткуда», также рисуя утопический проект идеального общества, но раскрывающей проблему оптимального социального устройства в экономических и производственных аспектах, с уклоном в социализм и либертарианство. [\[19\]](#) Мамфорд определяет сходство этих двух утопий в их изображении «сути жизни» общества в укладе и традициях. Проблема социального неравенства раскрывается в утопии в неожиданных аспектах: люди неравны друг другу не в материальном достатке или происхождении, а в значимости своих функций в обществе, при этом любой человек, в том числе инородец, такой, как главный герой, может занять место главы дома. Примечательно, что Мамфорд относит утопию Хадсона к разряду «утопий побега», в противовес «утопиям реконструкции». Отличительной особенностью утопий побега является изображение принципиально отличающегося от текущего положения сценария жизни общества, зачастую требующего изменения человеческой социобиологической природы, в то время как утопии реконструкции фокусируются как правило на изменении и совершенствовании условий окружающей среды, градостроительных, экономических и технологических аспектах. Утопия побега в понимании Мамфорда ассоциируется с перенесением героя в принципиально новую среду с новыми условиями, в то время как утопия реконструкции предполагает программу социальных и технологических улучшений, потенциально способную к внедрению на практике. Мир «Хрустального века» априори нереалистичен и поразумевает существенное изменение человеческой природы: едва ли социальная структура, представленная там, могла бы быть повсеместно распространена в обществе любой эпохи. При наличии определенных типичных для викторианской литературы особенностей утопия Хадсона отличается от других утопий Нового времени по ряду признаков. Прежде всего, в романе отсутствует техноутопическое представление о научных открытиях и технических изобретениях как залого социального благоденствия. В «Хрустальном веке» вообще не изображаются технологии, опережающие время написания произведения. Основа утопии «Хрустального века» - антропосоциальная трансформация общества, изменение природы человека вместе с социальной структурой.

Социофилософское и социокультурное значение романа Хадсона весьма высоко, поскольку в данном произведении отражается трансформация социальных отношений, уклада жизни и системы ценностей викторианской эпохи: изменение роли женщины в обществе и семье, стремление к гармонизации человека с природной средой в условиях стремительной индустриализации. В семиотическом поле романа можно одновременно определить наследование определенных черт сентиментализма 18 в. и предвосхищение некоторых идей постиндустриального будущего.

Библиография

1. Beaumont, M. *Utopia Ltd.: Ideologies of Social Dreaming in England 1870–1900* / Leiden, Brill Academic Publishers, 2005.
2. Claeys G. *The Cambridge Companion to Utopian Literature* / Cambridge University Press, 2010.
3. Cunningham L. *Culture and Values: A Survey of the Humanities* / V.2, Lawrence S. Cunningham, John J. Reich. Wadsworth, 2005.
4. Levitas R. *The Concept of Utopia* / Bern, 2010.
5. Manuel F. *Utopian Thought in the Western World* / The Belknap Press of Harvard University Press, 1997.
6. Mumford, L. *The story of utopias* / introd. by the auth. – 7. print. – New York: Viking

press, 1971.

7. Novak, C. Dreamers in dialogue: evolution, sex and gender in the utopian visions of William Morris and William Henry Hudson / Acta Neophilologica. University of Ljubljana, 2013. DOI: 658046.10.4312/an.46.1-2.65-80.

8. Sargent L. Utopianism: A Very Short Introduction / Oxford University Press, 2010.

9. Suvin, D. Victorian Science Fiction in the UK: The Discourse of Knowledge and Power / Boston, G. K. Hall, 1983.

10. The Encyclopedia of Science Fiction // ed. By Clute J., Nicholls, P. New York, St. Martin's Press, 1993.

11. Wood, Jane. Passion and Pathology in Victorian Fiction / Oxford University Press, 2001. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198187608.001.0001

12. Аль-Мамори Я. Антиутопия, постапокалипсис и кинематографическое чтение // Философия и культура. 2022. № 4. С. 1-8. DOI: 10.7256/2454-0757.2022.4.37808 URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_37808.html

13. Безкорвайная Г.Т. Языковые маркеры концепта «викторианская мораль» как элемента национальной культуры британцев в зеркале реалистического романа XIX века. // Вестник культурологии. 2024. № 2 (109).

14. Зыкова Е.П. Пастораль в английской литературе XVIII века. М., 1999.

15. Клеес, Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2018. № 3.

16. Конак А.А. Рецепция Шарлоттой Бронте романного творчества Сэмюэла Ричардсона // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 8.

17. Свентоховский А. История утопий. От античности до конца XIX века / пер. с польского Е. Загорского; вступительная ст. А. Р. Ледницкого. – Изд. 2-е. – Москва: Книжный дом "Либроком", 2011.

18. Шацкий Е. Утопия и традиция / Общ. ред. и послесл. В. А. Чаликовой. – Москва: Прогресс, 1990.

19. Фогт А. Социальные утопии / пер. с нем. Н. Стороженко, изд. 2-е, стер. – Москва: КомКнига, 2007.

20. Шишкова Ирина Алексеевна Сентименталистская революция и викторианские ценности в литературе США // Вестник КГУ. 2019. № 2.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Социальная утопия в викторианской литературе (на материале романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век»)» выступает роман английского писателя конца 19 века. К сожалению, автор статьи не определяет ни цели, ни задач своего исследования. В тексте предлагается анализ сюжета романа, его рассмотрение в контексте викторианской эпохи.

Методология исследования не определяется самим автором, который вообще обходится без вводной части к статье. Основным применяемым им методом является пересказ сюжета романа. Автор также применяет исторический метод, проводя параллели между мировоззренческими установками эпохи, в которой созывалось произведение, и его ключевыми идеями.

Актуальность не очевидна. Трудно понять, читая предложенный текст, что именно привлекло его автора к желанию пересказать роман, чем этот пересказ может быть

интересен для читателя, какие из упоминаемых тем могут быть важны сегодня.

Научная новизна не очевидна. Автор не вписывает свое исследование в какой-либо научный контекст. Он не оговаривает ни то, с каких позиций и кем изучался роман Хадсона, ни то, какое место он занимает в исследованиях утопической литературы. Поэтому трудно понять какой именно вклад вносит автор своей статьей в изучение упоминаемого романа, творчества его автора или викторианской утопии в целом.

Стиль статьи повествовательный.

Структура и содержание не полностью раскрывают заявленную в названии тему. Автор детально рассматривает роман У.Г. Хадсона «Хрустальный век», но практически ничего не говорит о социальной утопии в викторианской литературе.

Библиография статьи включает 20 наименований работ, подбор которых выглядит несколько произвольно. Например, среди этих работ нет ни классических трудов по исследованию утопий (Аинса Ф., Мангейм К., Мильдон В.И., Паниотова Т.С., Шадурский М. и др.) ни работ, посвященных анализу творчества Хадсона и его роману.

Апелляция к оппонентам отсутствует.

Тема социальной утопии как интеллектуального проектирования лучшего жизнеустройства, несмотря на, по крайней мере, двухвековую историю изучения, продолжает сохранять актуальность и сегодня. Поэтому изучение романа У.Г. Хадсона «Хрустальный век» может быть полезным для осмысления природы утопии, ее национальной или временной специфики, жанрового своеобразия утопии и антиутопии, типологии утопии и т.д. Однако для этого автору необходимо определиться с целью своего исследования, определить его эвристический потенциал, соотнести с уже имеющимися разработками.

В настоящем виде публикация статьи представляется нецелесообразной. Требуется доработка - определение предмета и цели исследования, ее актуальности и новизны. Необходимо указать методологию исследования и выводы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная для публикации в журнале статья обращается к очень слабо изученному у нас в стране материалу: утопической литературе викторианской эпохи. Даже непосредственный объект анализа – роман У. Г. Хадсона «Хрустальный век» – едва ли знаком большинству отечественных читателей. В этом смысле ее автор с полным правом может быть назван «первопроходцем» в данной теме. И это, на мой взгляд, извиняет очевидные недостатки его статьи: чрезмерную для аналитического исследования описательность и некоторую т. с. «блеклость» выводов. Хотя сам автор выделяет два уровня в своем исследовании – описательный и семиотический – не вполне понятно, что он имеет в виду под «семиотическим уровнем». Рассуждения, которые приводятся в «семиотической» части статьи, мало чем отличаются от тех, что содержатся в ее "описательной" части. Некоторые из сделанных в конце статьи заключительных выводов (например, что роман отражает трансформация социальных отношений, уклада жизни и системы ценностей викторианской эпохи; что он выражает стремление к гармонизации человека с природной средой в условиях стремительной индустриализации, а также наследует определенные черты сентиментализма 18 века и одновременно предвосхищение некоторых идей постиндустриального будущего), вероятно, не вполне оригинальны, так как из самого текста статьи следует, что они уже делались зарубежными исследователями.

И все-таки, статья является интересной и значимой.

Весьма интересной представляется, например, замечания автора статьи о том, что роман Хадсона соединяет в себе черты утопии и антиутопии. Такое соединения нередко встречается в литературе. (Я думаю, что к жанру "утопии-антиутопии" можно отнести, например, романы А. Богданова «Красная звезда» и «Инженер Мэнни»). В "утопиях-антиутопиях" автор, с одной стороны, выражает свои социальные и нравственные идеалы, с другой стороны, предупреждает, какую угрозу могут нести эти идеалы для свободы и счастья отдельного человека. Но, по-моему, исследован такой жанр недостаточно.

Соображения автора о том, что описываемый роман отражает внутренние противоречия викторианской эпохи, которая, с одной стороны, характеризовалась акцентом на «семейных ценностях», подчеркиванием репродуктивного значения брака и культом «женщины-матери», а, с другой стороны, объективно вела к реальному изменению положения женщины в обществе, плохо согласующемуся с постулируемыми ценностями, интересны не только с исторической точки зрения, но и вполне себе актуальны для современной России.

Интересны и рассуждения об антитезе двух видов любви: эросе и филии, т.е. любви, предполагающая физическую страсть и рождение новой жизни и любви дружественной, интеллектуальной.

Наконец, стоит отметить и проделанное автором статьи сравнение Хадсона со Свифтом, а также замечание о том, что роман неожиданным образом содержит в себе ценности, характерные для постиндустриальной эпохи.

Таким образом, статья производит хорошее впечатление. Она написана, несомненно, настоящим специалистом в заявленной сфере исследования.

Статья может быть рекомендована к публикации.